

DOI: 10.31857/S032103910027544-1

РИМСКИЙ ИМПЕРАТОРСКИЙ ДВОР КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

(B. Kelly, A. Hug (eds.). *The Roman Emperor and His Court*, c. 30 BC – c. AD 300. Vol. 1: Historical Essays. Cambridge: Cambridge University Press, 2022. xix, 585 p. ISBN 978-1-316-51321-7; Vol. 2: A Sourcebook. Cambridge: Cambridge University Press, 2022. xxxvi, 295 p. ISBN 978-1-316-51323-1)

Достаточно перечитать Светония, Тацита или Кассия Диона, чтобы убедиться, что описываемые ими ключевые события истории Римской империи, сам исполненный драматизма спектакль власти часто разворачиваются в том особом пространстве, в котором, собственно, пересекались, интриговали и соперничали за благосклонность правителя члены его семьи и фавориты, представители высшей знати, слуги, доверенные отпущенники, иноземные клиенты и звездные интеллектуалы. Эти люди, имевшие непосредственный доступ к принцепсу, исполняли разные функции, но так или иначе соучаствовали в осуществлении власти; именно они были той «свитой, которая делает короля», составляя императорский двор — *aula Caesaris*. Однако несмотря на весьма выразительный материал нарративных источников и немалое эпиграфическое досье, этот своеобразный политический и социокультурный организм долгое время оставался вне поля зрения современных историков, представляя собой, как выразился один из его исследователей, «скелет в шкафу римской истории»¹. Более того, некоторые авторитетные специалисты вообще отрицали существование двора как особого института в эпоху Принципата на том основании, что в Риме, в отличие от королевской Франции, не было дворца, в котором бы проводились особые церемониалы и проживала придворная знать². Первые специальные исследования римского императорского двора, предложившие новые подходы, появились лишь во второй половине 1990-х — начале 2000-х годов, но касались они в основном отдельных, хотя и важных сторон данного феномена³ (в том числе сравнительно-исторических аспектов⁴) либо ограничивались определенным периодом⁵.

Работа подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда № 20-18-00374П «Имперское Средиземноморье: модели, дискурсы и практики империализма от Античности до раннего Нового времени».

¹ Wallace-Hadrill 2011, 93.

² Gagé 1971, 191; Veyne 1976, 619.

³ Например, дворцовым пириштвам (Malmberg 2003; Vössing 2004); дворцовой архитектуре (Royo 1999; Sojc *et al.* 2013), роли при дворе греков (Kaplan 1990) и женщин из императорского семейства (Kolb 2010).

⁴ Например, см. Winterling 1997a; Bang 2011.

⁵ В числе важных работ, открывших новую страницу в изучении темы, следует назвать прежде всего главу, написанную Э. Уоллес-Хэдриллом для X тома «Кембриджской древней истории» (Wallace-Hadrill 1996), а также монографию и другие работы А. Винтерлинга, который, по сути дела, первым взялся за целостное освещение феномена римского императорского двора, хотя и в сравнительно ограниченных хронологических рамках: Winterling 1997a; 1997b; 1999. Вышедшая десятилетием раньше книга Р. Туркана (Turcan 1987, второе издание — 2009), осветившая самые разнообразные аспекты жизнедеятельности двора от Августа до Диоклетиана, в целом написана в традиционном ключе с акцентом на придворную повседневность,

На фоне интенсивного изучения монархических дворов других государств и исторических периодов, прежде всего эллинистического мира⁶, к настоящему времени ощущался явный дефицит действительно обобщающих работ о римском императорском дворе, которые суммировали бы результаты предшествующих исследований, развивали подходы и концепции, выдвинутые в 1990-е и последующие годы, и предлагали его целостное освещение, что важно как для понимания конкретно-исторической специфики римского монархизма, так и для его оценки в сравнительно-исторической перспективе.

Теперь такой труд появился. Это двухтомник «Римский император и его двор, ок. 30 г. до н.э. — ок. 300 г. н.э.», подготовленный под редакцией Б. Келли и А. Хуг, молодых сотрудников Йоркского университета Торонто. Вместе с ними авторами стали еще 17 историков из университетов Канады, США, Германии, Австралии и Нидерландов. В первом томе представлены 20 глав (считая введение), которые в своей совокупности дают наиболее разностороннюю и полную на сегодняшний день картину жизнедеятельности императорского двора как средоточия власти, как особого сообщества, социокультурного пространства и кросс-культурного феномена. Во втором томе собраны (в переводе на английский язык) наиболее важные античные источники, нарративные, юридические, эпиграфические, об императорском дворе с комментариями⁷.

Это издание привлекает внимание и широким хронологическим охватом (до рубежа III–IV вв. н.э.⁸), и последовательной методологической позицией, и пропорциональным освещением самых разнообразных аспектов исследуемого феномена — от внешних (эллинистических) образцов и республиканских прототипов императорского двора до придворных пиршеств и развлечений, сексуальных отношений, одежды и самопрезентации придворного сообщества. Некоторые из них еще не рассматривались в работах по истории императорского двора, в частности, те формы, которые он приобретал, когда император жил на своих итальянских виллах или путешествовал за пределы Италии, религиозная жизнь двора, дискурсы и представления о дворе в их соотношении с его конкретными реалиями. Чтобы охватить все эти моменты, авторы, как заявлено во введении, используют этический, а не эмический подход, т.е. взгляд снаружи, глазами стороннего наблюдателя, а не изнутри, с позиции людей, включенных в конкретный культурно-исторический контекст, и прилагают к римскому феномену «идеальный» тип, разработанный современными историками разных эпох для описания двора как транс-исторического явления, следуя при этом довольно широкому определению двора как группы людей, принадлежность к которой определялась близостью к правителю, более или менее регулярным личным общением с ним. Соответственно, в этот круг попадают не только члены

без концептуального осмысления. С точки же зрения апробирования новых подходов к изучению феномена двора в Риме заслуживают внимания статьи, которые вошли в специальный выпуск журнала «The American Journal of Philology» под редакцией Д. Поттера и Р. Талберта, посвященный античным дворам и придворным (Potter, Talbert 2011). Это, в частности, статьи Д. Поттера о прообразе монаршего двора в республиканском Риме (Potter 2011), Дж. Суми о возникновении придворного общества в правление Августа (Sumi 2011), К. Актон о церемониях и социальном мире двора при Веспасиане (Acton 2011) и Р. Смита о трансформации императорского двора в IV в. (Smith 2011). Отметим также монографии, посвященные дворам отдельных династий или императоров: Pani 2003; Laeben-Rosén 2005; Schöpe 2014; Michel 2015; Drinkwater 2019.

⁶ См., например, Spawforth 2007; Duindam *et al.* 2011; Strootman 2014; Erskine *et al.* 2017; Pownall *et al.* 2022.

⁷ Его авторами-составителями, наряду с 10 участниками первого тома, являются также Р. Гиллам из Йоркского университета Торонто и Д. Ленгиель (Lengyel) из Бранденбургского технического университета.

⁸ Б. Келли во вводной главе оговаривает эту верхнюю границу тем, что в конце III в. существенно выросла степень формализации и ритуализации при дворе, который приобрел в итоге качественно иной облик, что требует отдельного подхода к изучению позднеримского императорского двора. Примером такого коллективного исследования, где рассматривается двор как эпохи Принципата, так и позднеантичного периода (до Юстиниана) с акцентом на преемственность и изменения, служит Davenport, McEvoy 2023. В этом издании, которое по своему замыслу является продолжением рецензируемого труда и выполнено в русле тех же подходов, основное внимание уделено позднеантичному двору: ему посвящено 9 из 14 глав, при том что и большинство остальных охватывают материал обеих эпох римской имперской истории.

императорского семейства, «друзья», фавориты, советники и «управленцы», но и те, кто обслуживал императора и обеспечивал его безопасность. Это было иерархически устроенное общество, которое по степени близости к императору и его благорасположения можно разделить на двор «внешний» и «внутренний».

Вместе с тем, как указывает один из редакторов, исследование нацелено не на создание некой общей модели императорского двора в эпоху Принципата, не на выявление какой-то одной определяющей тенденции его развития (как, например, в монографии А. Винтерлинга, ставящего во главу угла процесс институционализации двора, или как в работах, следующих концепции Н. Элиаса, трактовавшего двор как особый механизм для «приручения» и контроля аристократии⁹), но на то, что можно назвать знанием среднего уровня, «которое находится где-то между всеобъемлющей “моделью” и приливами и отливами преходящих событий». Как образно пишет Б. Келли, «изучение императорского двора не похоже на восприятие простой повторяющейся мелодии. Это скорее прослушивание великой симфонии, в которой сложные темы возникают и исчезают только для того, чтобы позже появиться снова в измененной, но все еще узнаваемой форме» (с. 10–11).

Рецензируемый труд действительно нацелен на исследование императорского двора как целостного социального, политического и культурного феномена во всей его сложности и противоречивости. Несмотря на разнообразие рассматриваемых предметов и многочисленность авторов, он выстроен очень логично. Главы его основной части делятся на четыре тематических блока. Первые две посвящены тем историческим моделям, на основе которых формировался императорский двор: Р. Штротманом рассмотрены эллинистические влияния на римскую придворную культуру (гл. 2), а Ж. Нил — республиканские предшественники (*Republican precursors*) императорского двора в виде римского аристократического дома (гл. 3). Во втором блоке, состоящем из пяти глав, речь идет в основном о людях, образовывавших придворное сообщество, обеспечивавших его жизнедеятельность и так или иначе сопричастных власти. Это императорское семейство (гл. 4, А. Хуг), римская знать, подвизавшаяся при дворе (гл. 5, Р. Вей и Б. Келли), административный персонал и финансовое обеспечение двора (гл. 6, К. Давенпорт и Б. Келли), члены иноземных царских семейств, находившиеся при дворе (гл. 7, Д. Джассен) и домашняя прислуга (гл. 8, Дж. Эдмондсон). В главах третьего блока освещаются те физические пространства, в которых функционировал двор: императорские дворцы на Палатине (гл. 9, Й. Пфлуг и У. Вульф-Рейдт), императорские виллы (гл. 10, М. Джордж) и путешествия императоров (гл. 11, Г. Хальфманн). В четвертом блоке, включающем шесть глав, показаны различные стороны жизнедеятельности двора: церемонии и ритуалы (гл. 12, К. Давенпорт), пиры и охоты (гл. 13, М. Роллер), сексуальные отношения (гл. 14, Э. Дель Крол и С. Блейк), насилие и безопасность (гл. 15, Б. Келли), религия и гадания (гл. 16, Ф. Долански), представления и актеры (гл. 17, С. Блейк), литературный патронат (гл. 18, Н. Бернштейн). К этому разделу примыкает и глава 19 о нарядах, украшениях и самопрезентации при дворе (К. Олсон). Глава 20 (О. Хекстер) представляет собой общий эпилог, акцентирующий континуитет и изменения в истории императорского двора.

Надо отдать должное авторам и в особенности редакторам: объемный труд получился действительно целостным, отдельные тексты не выбиваются (как это нередко бывает в коллективных трудах) из общего русла исследования, но органично дополняют друг друга, работая на достижение общей цели — всеохватывающей характеристики изучаемого феномена. Все главы сбалансированы по объему, выдержаны в едином стиле, единообразно структурированы, имеют внутреннюю рубрикацию, включающую введение и заключение, содержат взаимные отсылки, а также замечания методологического и сравнительно-исторического толка. Не увлекаясь «бытописанием» и событийными сюжетами, все авторы, каждый в своем предмете, обращаются к разным граням одной основной проблемы: как функционировал императорский двор в качестве сложноустроенного политического актора, формировавшегося в столкновении и взаимопроникновении республиканских традиций и монархического абсолютизма. Стоит поэтому выделить наиболее интересные суждения авторов, касающиеся в первую очередь своеобразия римского двора в сравнении с аналогичными институтами других традиционных обществ и его роли в системе власти. В этом отношении важна высказанная Р. Штротманом мысль о том, что развитие императорского двора не следует понимать исключительно в рим-

⁹ Elias 1969.

ском контексте, поскольку с самого начала он также имел функцию интеграции в единую средиземноморскую политическую систему эллинистических государств, перешедших под эгиду Рима, и в своих отношениях с этими клиентскими правителями императоры перенимали эллинистические образцы придворного ритуала и монархического стиля, а также заимствовали универсалистские идеи эллинистических империй в качестве стратегии для объединения в единое целое множества разнородных автономных образований и городов-государств. Решая эту проблему, императорский двор, подобно эллинистическим дворам, выступал как центр производства имперской «космополитической» культуры и универсалистской идеологии, как инструмент интеграции элит, в том числе через установление связей городов с правящей династией. Отмечены и важные отличия, в частности, женщины из императорской фамилии не имели формализованного статуса, какой был у эллинистических цариц. Однако не совсем корректным представляется мнение Штротмана о том, что образы, используемые для прославления *Pax Augusta* как Золотого века Сатурна, и отождествление правления Августа с властью бога Аполлона были вполне эллинистическими и особенно птолемеевскими (с. 32). Все-таки эти идеи, прежде всего концепт *Pax Augusta*, имели собственно римские истоки¹⁰.

Специфика римского императорского двора вне всякого сомнения обуславливалась его укорененностью в традициях республиканского аристократического *domus*, которые рассмотрены Ж. Нил. Эта преемственная связь обнаруживается как в придворном персонале (использование вольноотпущенников для управленческих задач), в ключевой роли патронатно-клиентельных отношений, через сеть которых имперские элиты, в том числе городская, провинциальная знать, оказывались «завязаны» на двор, а также в продолжении при дворе Августа и его преемников тех обычаев, что сложились еще при Республике (утренние приветствия, архитектурная планировка и декор помещений, и т.д.). Собственно римские особенности в жизни двора определялись также характером брачно-семейных и родственных отношений (моногамией, практикой усыновления и т.д.), существовавших в Риме. А. Хуг, автор главы об императорском семействе как составной части двора, так же как и Штротман, обоснованно подчеркивает, что по своему положению римские императрицы отнюдь не походили на королев раннего Нового времени. Их притязания на *auctoritas* основывались на четырех элементах: кровном родстве с императором, опыте жизни при дворе, финансовой самостоятельности и свободе передвижения. Наряду с молчаливым пониманием того, что родственники императора имели его санкцию на свои действия, это делало их одними из наиболее влиятельных фигур при дворе, хотя они никогда не могли быть регентами или править самостоятельно.

Пожалуй, наиболее характерной чертой римского двора — и государственно-политического устройства принципата в целом — было отсутствие «придворной аристократии» как особой элитной группы, чье высокое социальное положение и внутренняя иерархия зависели бы от занимаемых при дворе должностей. Как отмечают Р. Вей и Б. Келли в главе «Римская знать при дворе», в отличие от многих других монарших дворов, в Риме не существовало таких предначавшихся аристократам должностей, которые обслуживали бы, в действительности или воображаемо, домашние нужды императора. Так же и термин *amicus principis* никогда не обозначал официального титула и поста. Аристократическая «дружба» сохраняла республиканские импликации и была неотъемлемым элементом идеала *civilis princeps*. Входявшие в число «друзей государя» сенаторы и немногие всадники часто выступали как успешные посредники, приобретая соответствующий социальный капитал, и иногда использовали свое положение, чтобы продвигнуть в верхний слой римской аристократии своих соратников, в том числе провинциалов, что показывает роль двора в интеграции провинциальных элит в общеимперский правящий класс. Авторы главы выступают против идеи о «приручении» (*domestication*) аристократии как функции двора, не находя почти никаких параллелей между императорским двором и французским Версалем. Римский император не ставил аристократию в финансовую зависимость от придворных должностей и не разорял ее намеренно, заставляя участвовать в дорогостоящей придворной жизни. Напротив, римские аристократы, находившиеся при дворе, со своей стороны подвергали императора постоянному моральному давлению, стремясь направлять его поведение в определенные рамки, но в то же время знать находилась в зависимости от императора, распределявшего должности и почести. Это значит, что имела место взаимная «доместикация» аристократии и императора. В целом соглашаясь с данной идеей, развивая

¹⁰ См. Cornwell 2017.

емой в современных исследованиях¹¹, Вей и Келли обращают внимание, во-первых, на то, что двор был не единственным местом, где происходил этот процесс, так как существовали традиционные механизмы патронажа и сенат, где представители знати также соперничали за благосклонность принцепса, а во-вторых, возникали и такие ситуации, когда отдельные люди (вроде Сеяна) или группа из придворной элиты получали почти полное влияние на монарха и использовали доступ к нему, чтобы доминировать над аристократией.

С точки зрения отношений между двором и административным аппаратом (императорской канцелярией), которые рассмотрены Давенпортом и Келли в 6-й главе, римский опыт также имеет значимые особенности. Авторы отмечают, что нет никаких данных о том, что эта канцелярия располагалась там же, где и двор, и что все работники императорской канцелярии автоматически входили в состав двора, но главы основных ее департаментов, имевшие по роду своей компетенции постоянные контакты с императором, все же должны считаться частью двора. Примечательно, что рабы и вольноотпущенники, связанные с ведомствами императорской канцелярии, имели семейные связи с домашним обслуживающим персоналом двора. Что касается управления финансами империи в целом, то оно не осуществлялось через домашние счета императора, как у королей средневековой Англии. Расходами на двор ведал особый департамент *ratio castrensis* во главе с прокуратором. Но установить хотя бы приблизительные масштабы этих расходов не позволяет скудость имеющихся источников. Стоит также отметить мысль о том, что роскошь императорского двора, от одежды императора и украшений его жены до обстановки и посуды, была своего рода финансовым резервом, который можно было использовать в критической ситуации, как это сделал, например, Марк Аврелий, устроивший распродажу дворцовых богатств во время Маркоманских войн.

Д. Джассен, рассматривающий в 7-й главе пребывание при дворе представителей иноземных царских династий в качестве воспитанников, гостей и друзей принцепса или фактических заложников, видит в этой практике фактор, связывавший империю воедино: двор в этом смысле был подобен Солнцу, которое своим гравитационным полем удерживает вместе всю Солнечную систему. Эта практика имела республиканские истоки и была адаптирована императорами, обеспечивая включение разрозненных иноземных элит в транснациональные имперские сети. Благодаря пребыванию при дворе члены иноземных царских домов отчасти вливались в римскую элиту, но в то же время получали возможность направлять имперскую политику на благо своих монархий.

Как сложный социальный организм императорский двор предстает и в остальных главах. Его жизнедеятельность обеспечивалась тысячами слуг (*interiores aulici*) из рабов и отпущенников (сама их многочисленность была проявлением демонстративного потребления как отличительной черты императорского двора). Некоторые из них, как показывает Дж. Эдмондсон в 8-й главе, играли и важную «посредническую» роль в получении доступа к императору, что подчеркивает значение скрытых, неформальных механизмов политической власти. Как и в других монарших дворах, ключевую позицию имел «главный камергер» — а *cubiculo* (или *supra cubicularios*), отвечавший за жилые покои императора и, соответственно, за непосредственный доступ к нему. Эдмондсон резонно возражает Винтерлингу, предложившему разделить придворный персонал на «политический» и «не политический»¹². По мнению автора главы, вольноотпущенники, исполнявшие одну из «не политических» ролей, вполне могли перейти на одну из «политических» должностей в императорской канцелярии. Кроме того, весь этот персонал так или иначе помогал формировать отношения между императором и членами его двора. Из их числа происходили и те императорские фавориты, которые обладали реальной политической властью, поскольку могли контролировать доступ к правителю и побуждать его к определенным действиям.

Вопрос о власти затрагивается и в 9-й главе, посвященной архитектуре императорских дворцов и интересной, помимо прочего, обращением к новейшим результатам археологического изучения дворцовых комплексов. Й. Пфлуг и У. Вульф-Рейдт рассматривают пространственную структуру дворцовых комплексов как отражение общественных практик и социально-политической стратегии императорской власти. В своем классическом виде, сло-

¹¹ Ср. Bang 2011, 109–115. В том же русле М. Роллер в главе 13 рассматривает такие виды придворной активности, как пиршества и охота (см. ниже).

¹² Winterling 1999, 93–107.

жившемся при Флавиях, архитектура дворца была призвана учитывать роль императора как представителя сенаторской аристократии, быть ареной для традиционных аристократических церемоний и соответствующих форм социального взаимодействия, но в то же время подчеркивать богоподобное положение принцепса, создавая уникальные пространства для выражения его исключительного статуса и власти. Вместе с тем впечатляющий внешний вид дворца обеспечивал символическое присутствие императора в городском пейзаже, когда тот в течение нескольких месяцев или лет отсутствовал в Риме. Тему пространства продолжает глава 10, посвященная императорским виллам, где М. Джордж опровергает утверждение Винтерлинга о том, что пространственным контекстом «непрерывной придворной жизни» были только императорские дворцы, а не виллы. Г. Хальфманн в главе 11 прослеживает те изменения, которые претерпевал двор во время путешествий императора, и отмечает, что в дополнение к тому кругу лиц, который в Риме имел регулярный доступ к императору и участвовал в соответствующих церемониях, в окружение путешествующего императора входили и доверенные представители провинциальной элиты. В то же время любое отсутствие императора в Риме было риском, и в конечном итоге в поздней античности это привело к появлению «мобильных центров имперской администрации» и нескольких столиц.

Обращаясь к придворному церемониалу (гл. 12), Давенпорт выделяет важную особенность римского императорского двора в эпоху Принципата: он был гораздо менее замкнутым сообществом по сравнению с другими придворными формациями в мировой истории и основывался на идеях доступности и взаимности отношений между императором и высшей знатью. Тем не менее в Риме возникло настоящее придворное общество, о чем свидетельствует тот факт, что женщины из императорской семьи и преторианские префекты стали получать приветствия, по сути дела эквивалентные приветствиям принцепса. Такие придворные ритуалы, как утреннее приветствие (*salutatio*), приветственные поцелуи и объятия, хотя и были продолжением аристократического этикета времен Республики, служили теперь для обозначения места в придворной иерархии. Со временем, в III в., общепринятым аспектом придворных церемоний стал проскинесис, ибо для придворных теперь было приемлемым совершать перед живым императором те же ритуалы, что и перед императорскими изображениями. Давенпорт объясняет это фундаментальным сдвигом в ожиданиях сенаторской аристократии, отказавшейся от идеи равенства с императором, которому в такой ситуации не было необходимости демонстрировать свою *civilitas*. Автор не останавливается подробно на переменах в придворных ритуалах и церемониале, происшедших с установлением домината, поскольку этот вопрос выходит за хронологические рамки исследования, и ограничивается лишь отдельными замечаниями, касающимися общей тенденции. Так же бегло затрагивается ритуальная форма провозглашения нового императора, относящаяся, скорее, не к придворному, а к государственному ритуалу, хотя в этом акте могли быть задействованы такие значимые при дворе фигуры, как префекты претория или женщины из императорского семейства, а в III в. и члены императорской свиты (*comitatus*), но решающую роль в императорской аккламации всегда играла армия.

По сравнению с другими, прежде всего восточными, дворами императорский двор (как, впрочем, и римская аристократия в целом) не культивировал охоту как типично «царский» вид активности. По мнению М. Роллера, автора главы 13 о пирах и охоте, это объясняется, возможно, неприемлемостью ассоциаций с персидскими или эллинистическими практиками, но, главное, тем простым фактом, что император и его двор пребывали преимущественно в городе Риме, не имея непосредственного доступа к сельской местности и охотничьим угодьям. Что касается придворных обедов, то они были основным способом общения императора и придворных, а также важным критерием моральной оценки правителя. С точки зрения властных отношений совместные трапезы в Риме вообще служили важнейшим каналом, посредством которого демонстрировались ресурсы и артикулировались отношения как с равными по положению, так и с нижестоящими. Роллер, разделяя вышеупомянутую концепцию взаимной «доместикации» императора и аристократии, отмечает также, что император, выражая предпочтение социальному сегменту своего двора с более низким статусом, тем самым мог контролировать амбиции или предполагать угрозы со стороны высшей знати, представители которой, в свою очередь, стремились «дисциплинировать» принцепса, осуждая эксцессы с его стороны.

Доступ к императору и влияние на него обеспечивали также интимные отношения с правителем, которые являются предметом анализа Э. Дель Крол и С. Блейк в 14-й главе. Рассматривая роль секса в воспроизводстве потомства и как удовольствия, они предлагают свое объ-

яснение того факта, что у римских императоров не было какого-либо подобия гарема или, как они выражаются, институционализированного «резерва» женщин, назначенных исключительно сексуальными партнерами императора и постоянно прикрепленных к двору. По мнению авторов, создание такого резерва женщин для производства на свет императорского наследника повлекло бы за собой неприемлемое для римских традиций изменение статуса некоторых женщин, в особенности свободных женщин. Поэтому императоры использовали другие методы достижения цели, в частности усыновление потенциальных преемников. Тем не менее фаворитки, имевшие непосредственный доступ к императору и его ближайшему окружению, могли занять влиятельные, хотя и шаткие позиции при дворе. В целом же отсутствие какого бы то ни было формального регулирования сексуальной активности императора, за исключением социального императива гетеросексуальной моногамии, вело к непостоянству и нестабильности в его «интимном кругу», что в некоторые моменты сказывалось на устойчивости власти. В рамках римского императорского двора во времена принципата не получил развития как некий постоянный элемент класс дворцовых евнухов. Авторы также указывают на регулярное использование секса как метафоры правления и при оценке нравственного облика отдельных императоров. Однако некоторые их суждения звучат, на наш взгляд, надуманно. Так, скандально известные браки Нерона со своими фаворитами Споров и Пифагором/Дорифором, представлявшие собой публичное и демонстративное смешение гендерных ролей императора как одновременно невесты, жениха, хозяина и раба, по словам авторов, «возможно, были направлены на использование позитивных и трансцендентных интерпретаций гермафродитизма в космологических, теологических и антропологических аспектах» (с. 369). Из такой формулировки при всем желании трудно вынести какое-либо конкретное понимание данных исторических эпизодов. В их интерпретации скорее прав Э. Чэмплин, чье мнение безоценочно приводится в примечании (с. 369, прим. 111): Нерон выступал как принцепс Сатурналий, олицетворяя своей трансгрессией и инверсией праздничную атмосферу и рассчитывая на популярность среди большей части римского населения¹³.

Весьма интересна предлагаемым подходом и выводами написанная Келли глава 15 о насилии и безопасности при дворе, задачу которой автор определяет так: «Разобраться в печальном каталоге убийств и заговоров, представленном источниками, поскольку при дворах некоторых императоров насилие... было такой же чертой человеческого взаимодействия, как сотрапезничество, секс, покровительство или ритуал» (с. 371). При этом Келли не только задается вопросом о том, имеют ли основные категории насилия, отраженные в источниках, параллели в монархических дворах иных времен и стран, но и прилагает к рассматриваемому материалу концепции насилия и агрессии, которые разрабатываются в области эволюционной психологии и побуждают избегать патологизации (и морального осуждения) насилия, рассматривая его как стратегию для решения определенных проблем. Автор убедительно показывает, что насилие в рамках двора вызывалось стремлением к самосохранению, сексуальным соперничеством или желанием получить ресурсы. Показательно, что насильственной смерти часто подвергались сами императоры: этот показатель в Римской империи почти в 10 раз выше, чем в монархиях, существовавших между 600 и 1800 гг. Но не менее важно, по мнению автора, понять, почему эта цифра не была еще больше и почему во многих ситуациях вызовы жизни, ресурсам и статусу обходились без применения насилия. Среди возможных причин он называет священную неприкосновенность императора как носителя трибунской власти и сознательное следование некоторых императоров идеалам греко-римской политической мысли, противопоставлявшей добродетельного царя и жестокого тирана; ограничивающим фактором было уважение к законности и верховенству права, предполагавшее использование судебных процессов, пусть и фиктивных (отсюда и распространенная практика вынужденных самоубийств); наконец, эффективной была защита гвардейцев и телохранителей (что, однако, обходилось дорогой ценой, поскольку преторианцы были главными убийцами императоров).

Следующие главы посвящены культурным аспектам жизни двора. Ф. Долански в главе 16 ставит вопрос о существовании «придворной религии» и подробно анализирует культовые и гадательные практики при дворе и связанный с ними персонал. Поскольку почитание того или иного культа внутри двора, по-видимому, зависело от конкретных предпочтений императора и придворных, о какой-либо институционализации придворной религии говорить не прихо-

¹³ Champlin 2003, 149.

дится. Более того, судя по случаям приверженности христианству среди придворного персонала, члены двора пользовались независимостью в религиозных предпочтениях. Однако включение знатных придворных в коллегию Арвальских братьев и другие жреческие корпорации имело немалую символическую ценность, обозначая принадлежность ко «внутреннему двору». Как характерную черту императорского двора автор отмечает огромную популярность астрологии, но не видит оснований считать, что она затмила старые формы гадания. На фоне вполне добротного анализа всех этих аспектов не очень уместным выглядит слишком подробный экскурс о ритуале облачения юных «принцев» в *toga virilis*, который не имеет прямого отношения к заявленной теме.

С. Блейк в главе 17 разбирает такой элемент придворной жизни, как выступления актеров, которые неизменно входили в состав обслуживающего персонала двора, хотя в основном не имели официальных должностей. Автор, не ограничиваясь только придворными спектаклями, включает в рассмотрение и другие мероприятия, в частности сценические игры, которые были частью государственного религиозного культа, а также произнесение панегириков в адрес императора. Все они были способом обозначить придворную иерархию, в которой заметное неформальное место занимали знаменитые исполнители пантомимы, чья популярность в обществе и связанная с ней возможность критиковать власть были источником как проблем для самого императорского двора, так и опасности для самих актеров. По большому счету, двор в целом был своеобразным театром, в котором император не был главным исполнителем, но являлся частью актерского состава, находившегося в динамичных отношениях с активной публикой. Не столь яркую, но не менее важную роль при дворе имела литература, покровительствуемая императором и придворной знатью. Обращающийся к этой теме Н. Бернштейн (гл. 18) рассматривает двор как привилегированное пространство для литературного творчества, определяемого отношениями патронажа между императором и литераторами, которым приходилось делать выбор между «независимостью» и «угодничеством». Тем не менее двор римских императоров является уникальным примером привлечения литературных талантов высшей политической властью. Ни при дворах Карла Великого или Медичи, ни в Версале, где литература также находилась под покровительством монархов и использовалась в политических целях, не было столь масштабного и непрерывного покровительства, как у римских императоров. К этим верным наблюдениям стоит добавить, что покровительство публичным зрелищам и искусствам было значимым властным ресурсом не только с точки зрения пропаганды, но и личного престижа императора, хотя, как показывают примеры Нерона и Адриана, важно было найти баланс между собственно римскими традициями и следованием иноземным (эллинистическим) влияниям. Как показывается в главе 19, написанной К. Олсоном, одежда, внешний вид и украшения людей, составлявших императорский двор, также могут рассматриваться не только как элементы быта и придворной культуры, но и как особые формы дискурса, передававшие конкретные политические послания, что лишний раз подтверждает, что двор был, по сути, «театральным» пространством — местом, куда люди приходили, чтобы увидеть и быть увиденными. При этом внешний облик императора и придворных был нацелен на аудиторию внутри двора и выступал как коммуникативный акт между двором и обществом в целом, а кроме того, служил дискурсивным маркером для обсуждения личных качеств и характера правления императора или его супруги.

Заключительная 20-я глава «Эпилог: преемственность и перемены в жизни римского императорского двора», написанная О. Хекстером, подводит итоги общего исследования с точки зрения континуитета и исторических трансформаций таких элементов императорского двора, как пространство, состав, деятельность, институционализация или ритуализация. По мнению автора, содержание всех этих элементов и тенденций в конечном счете определялась той постоянной напряженностью, что возникала между двумя противоположными идеалами императора как монарха и как *civilis princeps*. Отмечая, что жизнь при дворе сильно различалась от одного правления к другому и даже внутри одного царствования, а происходившие изменения были неотделимы от изменений в римском обществе в целом, Хекстер заключает, что изменчивость тем не менее не преобладала, существовали и устойчивые закономерности, поскольку диапазон возможностей был ограничен и каждый двор создавался из наличных «строительных блоков», частично выбираемых участниками, а частично диктуемых им общественными ожиданиями и привходящими обстоятельствами.

Закljučая обзор, нужно сказать, что при всем разнообразии затронутых аспектов рассмотренный труд не является (да и не может быть, как и любой другой) абсолютно исчерпывающим с точки зрения охвата всех возможных сюжетов и проблем. В частности, логично было бы ожидать освещения в придворном контексте такого института, как *consilium principis*¹⁴, который бегло упоминается лишь дважды. Немногим чаще используется понятие «интриги», хотя именно оно часто ассоциируется с придворной жизнью. Возможно, была бы уместна отдельная глава, посвященная соответствующим case-studies и выявлению их типологии и механизмов. Эти и другие вопросы могут быть предметом дальнейших исследований, и рецензируемый труд будет для этого незаменимой основой, как и для сравнительно-исторического изучения феномена двора. Хорошим подспорьем для этого, несомненно, послужит и представленная во втором томе антология разнообразных источников, которая будет полезна также студентам.

Таким образом, рассмотренный труд можно признать значимым вкладом в понимание устройства верховной власти в римском мире с точки зрения ее потаенных механизмов и внешнего антуража, связанных с императорским двором. *Aula Caesaris* была особым социокультурным феноменом, который по своему семантическому коду во многих аспектах был родственен театру. Императорский двор не являлся государственным органом в собственном смысле, но именно он оказывался главной несущей конструкцией того *deep state*, которое функционировало за фасадом «республиканской монархии» с ее традиционными институтами и ценностями, сочетавшимися с неустрашимым самовластием единоличной власти.

Литература / References

- Acton, K. 2011: *Vespasian and the Social World of the Roman Court*. *American Journal of Philology* 132/1, 103–124.
- Bang, P.F. 2011. *Court and State in the Roman Empire – Domestication and Tradition in Comparative Perspective*. In: J. Duindam, T. Artan, M. Kunt (eds.), *Royal Courts in Dynastic States and Empires: A Global Perspective*. Leiden–Boston, 103–128.
- Champlin, E. 2003: *Nero*. Cambridge (MA)–London.
- Cornwell, H. 2017: *Pax and the Politics of Peace: Republic to Principate*. Oxford.
- Davenport, C., McEvoy, M. (eds.) 2023: *The Roman Imperial Court in the Principate and Late Antiquity*. Oxford.
- Drinkwater, J.F. 2019: *Nero: Emperor and Court*. Cambridge–New York.
- Duindam, J., Artan, T., Kunt, M. (eds.) 2011: *Royal Courts in Dynastic States and Empires: A Global Perspective*. Leiden–Boston.
- Elias, N. 1969: *Die höfische Gesellschaft*. Darmstadt.
- Erschine, A., Llewellyn-Jones, L., Wallace, S. (eds.) 2017: *The Hellenistic Court: Monarchic Power and Elite Society from Alexander to Cleopatra*. Swansea.
- Gagé, J. 1971: *Les classes sociales dans l'Empire romain*. 2e éd. Paris.
- Kaplan, M. 1990: *Greeks and the Imperial Court from Tiberius to Nero*. New York.
- Kolb, A. (Hrsg.) 2010: *Augustae: Machtbewusste Frauen am römischen Kaiserhof? Herrschaftsstrukturen und Herrschaftspraxis II. Akten der Tagung in Zürich 18. – 20.9.2008*. Berlin.
- Laeben-Rosén, V. 2005: *Age of Rust: Court and Power in the Severan Age (188–238 AD)*. PhD thesis. Uppsala.
- Malmberg, S. 2003: *Dazzling Dining. Banquets as an Expression of Imperial Legitimacy*. PhD thesis. Uppsala.
- Michel, A.-C. 2015: *La cour sous l'empereur Claude: Les enjeux d'un lieu de pouvoir*. Rennes.
- Pani, M. 2003: *La corte dei Cesari fra Augusto e Nerone*. Roma.
- Potter, D. 2011: *Holding Court in Republican Rome*. *American Journal of Philology* 132/1, 59–80.
- Potter, D., Talbert, R. (eds.) 2011: *Classical Courts and Courtiers*. *American Journal of Philology*. Vol. 132/1. Baltimore.
- Pownall, F., Asirvatham, S.R., Müller, S. (eds.) 2022: *The Courts of Philip II and Alexander the Great: Monarchy and Power in Ancient Macedonia*. Berlin–Boston.
- Royo, M. 1999: *Domus imperatoriae: Topographie, formation et imaginaire des palais impériaux du Palatin (Ier siècle av. J.-C. – Ier siècle ap. J.-C.)*. Rome.

¹⁴ Об этом институте в контексте двора см. Turcan 2009, 215–220.

- Schöpe, B. 2014: *Der römische Kaiserhof in severischer Zeit (193–235 n. Chr.)*. Stuttgart.
- Smith, R. 2011: Measures of Difference: The Fourth-century Transformation of the Roman Imperial Court. *American Journal of Philology* 132/1, 125–151.
- Sojc, N., Winterling, A., Wulf-Rheidt, U. (Hrsg.) 2013: *Palast und Stadt im severischen Rom*. Stuttgart.
- Spawforth, A.J.S. (ed.) 2007: *The Court and Court Society in Ancient Monarchies*. Cambridge–New York.
- Strootman, R. 2014: *Courts and Elites in the Hellenistic Empires: The Near East after the Achaemenids, c. 330 to 30 BCE*. Edinburgh.
- Sumi, G. 2011: Ceremony and the Emergence of Court Society in the Augustan Principate. *American Journal of Philology* 132/1, 81–102.
- Turcan, R. 1987: *Vivre à la cour des Césars. D'Auguste à Dioclétien (Ier–IIIe siècles ap. J.-C.)*. Paris.
- Turcan, R. 2009: *Vivre à la cour des Césars. D'Auguste à Dioclétien (Ier–IIIe siècles ap. J.-C.)*. 2e éd. Paris.
- Veyne, P. 1976: *Le pain et le cirque. Sociologie historique d'un pluralisme politique*. Paris.
- Vössing, K. 2004: *Mensa Regia: Das Bankett beim hellenistischen König und beim römischen Kaiser*. München–Leipzig.
- Wallace-Hadrill, A. 1996: The Imperial Court. In: A.K. Bowman, E. Champlin, A. Lintott (eds.), *The Cambridge Ancient History: The Augustan Empire, 43 BC–AD69*. Vol. X. Rev. ed. Cambridge, 283–308.
- Wallace-Hadrill, A. 2011: The Roman Imperial Court: Seen and Unseen in the Performance of Power. In: J. Duindam, T. Artan, M. Kunt (eds.), *Royal Courts in Dynastic States and Empires: A Global Perspective*. Leiden–Boston, 91–102.
- Winterling, A. (Hrsg.) 1997a: Zwischen “Haus” und “Staat”. *Antike Höfe im Vergleich*. (Historische Zeitschrift / Beihefte, 23). München.
- Winterling, A. 1997b: Hof ohne “Staat”. Die aula Caesaris im 1. und 2. Jahrhundert n. Chr. In: A. Winterling (Hrsg.), *Zwischen “Haus” und “Staat”. Antike Höfe im Vergleich*. München, 91–112.
- Winterling, A. 1999: *Aula Caesaris. Studien zur Institutionalisierung des römischen Kaiserhofes in der Zeit von Augustus bis Commodus (31. v. Chr. – 192 n. Chr.)*. München.

Alexander V. Makhlayuk,

Lobachevsky State University
of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia
E-mail: makh1@imomi.unn.ru
ORCID: 0000-0002-7758-2374

Acknowledgements: Russian Science Foundation,
project no. 20-18-00374П

A.B. Махлаюк,

д.и.н., профессор, зав. кафедрой
истории древнего мира
и Средних веков Нижегородского
государственного университета
им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия